ВЕРА БЕГИЧЕВА

УСКОРИЛ Я ФЕОДОРА КОНЧИНУ...

Убийство царевича Димитрия заслонило в глазах потомков загадочную смерть его старшего брата — царя Феодора Иоанновича, и его жены — царицы Ирины

«Наши документы молчат о подробностях смерти царя Фёдора Ивановича, — писал некогда историк, академик М. Н. Тихомиров, — они лишь глухо сообщают об отъезде его вдовы, царицы Ирины Фёдоровны Годуновой, из дворца в Новодевичий монастырь и пострижении в монахини под именем Александры». Но внимательное исследование и этого отъезда, и этого пострижения показывает: именно она, вдова царя Фёдора Ивановича и родная сестра Бориса Годунова, может оказаться главным свидетелем обвинения против «царя Ирода» Годунова...

Дети небогатого костромского дворянина, Ирина и Борис, после смерти родителей жили в доме дяди, Дмитрия Ивановича Годунова, человека набожного и страстного книгочея.

С семи лет, когда дядя сделался опричником и постельничим Ивана Грозного, Ирина воспитывалась в царском дворце вместе с царевичем Фёдором, своим ровесником. «Малорослый и бледнолицый недоросток, расположенный к водянке, с неровной, старчески медленной походкой от преждевременной слабости в ногах, — пишет о нём В. О. Ключевский, — он вечно улыбался, но безжизненной улыбкой». Красивая, добросердечная девочка искренне жалела его.

В 1575 году состоялась их свадьба. Брак этот был счастливым: Фёдор любил супругу, а умная, решительная Ирина любила его, как любит мать больное дитя.

Детей у них долгое время не было. Царь Иван Васильевич счёл, что виновна в этом невестка. После гибели старшего сына Ивана в 1581 году царь пытался заставить Фёдора, ставшего наследником, развестись с Ириной и взять другую жену. Но робкий, забитый царевич на сей раз заупрямился, он и слышать не хотел о разлуке с женой.

В 1584 году, умирая, Иван Грозный завещал Фёдору, буде Ирина не родит наследника, через два года развестись с ней и взять себе другую жену. Когда подошёл назначенный срок, Фёдор, несмотря на уговоры духовенства и бояр во главе с князем И. П. Шуйским отказался отпустить Ирину.

Супруги были неразлучны — вместе развлекались разными забавами, вместе делили государственные заботы.

* * *

Борис Годунов, облечённый титулом правителя, помогал сестре и зятю в делах правления, незаметно оттесняя их на задний план.

Проницательная Ирина, по мнению современников, догадывалась о многих тёмных сторонах его души. В 1591 году, когда известие о внезапной гибели царевича Димитрия пришло из Углича в Москву, пишет голландец И. Масса, «царица желала удалиться в монастырь, ибо подозревала, что убийство совершилось по наущению её брата».

Смерть царевича Димитрия — первый засвидетельствованный современниками случай разномыслия сестры и брата Годуновых, начало их тайного противостояния, сокрытого от посторонних глаз.

* * *

Английский купец и дипломат Дж. Горсей в своих «Записках» вспоминает, как в 1585 году ездил в Англию послом царя Фёдора Ивановича — консультироваться с медиками Оксфорда, Кембриджа и Лондона касательно некоторых затруднительных дел царицы Ирины, у которой за семь лет замужества было несколько беременностей, оканчивающихся выкидышами.

В 1592 году, через год после гибели царевича Димитрия, разнёсся слух, что царица в тягости. На сей раз беременность её протекала благополучно. Трудно, пишет Н. М. Карамзин, «вообразить тогдашние чувства Борисовы. Гнуснейшее из убийств оставалось тщетным для убийцы: совесть терзала его, а надежда затмевалась навеки или до нового злодейства, ещё страшного и для злодея!».

Родилась девочка, наследница престола, царевна Феодосия, и 14 июля 1592 года при всеобщем ликовании была крещена. На радостях по случаю её рождения Фёдор, как писал Карамзин, «простил всех ссыльных, самых важных преступников, осуждённых на смерть; велел отворить темницы и выпустить узников; наделил монастыри богатою милостынею и послал множество серебра духовенству в Палестину».

В следующем, 1593 году маленькая царевна умерла, прожив всего несколько месяцев. В Москве плакали и говорили, что царскую дочь уморил Борис.

В народе ходили слухи, что на самом деле царица родила вовсе не девочку Феодосию, а мальчика Фёдора, вместо которого мамка по приказанию Годунова положила в колыбель девочку. В Смутное время появился даже самозванец Лжефёдор. выдававший себя за этого подменённого царевича, сына царя Фёдора Ивановича и царицы Ирины.

* * *

«В лето 7106 (1598) впал государь царь Фёдор Иванович в болезнь», — лаконично сообщает «Новый летописец».

Что за странная болезнь буквально в несколько дней подкосила и свела в могилу ещё не старого сорокалетнего царя? «Некоторые думают, что Борис дал ему яду», — свидетельствовал швед Пётр Петрей. «Боярин Борис, движимый честолюбием, решил погубить царя Фёдора Ивановича», — отмечал Э. Геркман. «Я твёрдо убеждён, что Борис ускорил его смерть», — утверждал голландец И. Масса.

Обследование костных останков Фёдора в 1963 году выявило наличие в них ртути. «Безмолвны гробы последних венценосцев из рода Калиты, но и они не молчат, а живо напоминают о загадочных и раньше скрытых исторических подробностях», — писал по этому поводу академик М. Н. Тихомиров.

Что побудило Бориса Годунова столь круто обойтись с тем, кто поставил его у кормила власти?

«Он не мог в конце пятого десятилетия жизни ещё ждать или откладывать», — так объяснял побудительные мотивы действий Годунова в январе 1598 года Н. М. Карамзин.

Возможно, у него была и ещё одна причина так поступить. Похоже, что ко времени внезапной смертельной болезни мужа царица Ирина вновь была в тягости. Борис Фёдорович, как её брат и правитель государства, узнавал такие новости первый. Годунов понимал: за этим ребёнком, даже если и он не проживёт долго, могут последовать другие, и рано или поздно путь к престолу будет ему таким образом отрезан. И потому здраво рассудил, что единственное средство раз и навсегда оградить себя от подобных неожиданностей — устранить самого царя Фёдора.

* * *

Простившись с женой, умирающий царь, по свидетельству очевидца, «повелел призвать патриарха Иова и бояр своих.

«В 11 часов вечера Иов помазал царя елеем и приобщил Святых Тайн,— пишет Н. М. Карамзин. — В час утра 7 января Феодор испустил дух, без судорог и трепета, незаметно, как бы заснув тихо и сладко. В сию минуту оцепенения, горестию произведённого, явилась царица и пала на тело умершего; её вынесли в беспамятстве».

Среди всеобщего смятения патриарх Иов огласил завещание умершего царя: Фёдор «оставил на престоле царицу Ирину»!

«Случай беспримерный, — подтверждает Карамзин, — ибо мать Иоаннова, Елена, властвовала только именем сына-младенца».

У Ирины от Фёдора не оставалось детей. Но, может быть, царица и впрямь была беременна на момент смерти мужа? Историограф, похоже, склоняется к такому выводу — недаром он поминает «мать Иоаннову, Елену»...

«На рассвете ударили в большой колокол Успенский, извещая народ о преставлении Феодора, — продолжает он своё повествованье, — и вопль раздался в Москве от палат до хижин: каждый дом, по выражению современника, был домом плача. Дворец не мог вместить людей, которые стремились к одру усопшего, и знатные, и нищие. Слёзы лилися; но и чиновники, и граждане, подобно боярам, с живейшим усердием клялись в верности к любимой царице-матери, которая ещё спасала Россию от сиротства совершенного».

* * *

Академик М. Н. Тихомиров, изучая летописные и мемуарные свидетельства, отметил любопытный факт: все они обращают внимание прежде всего на поступки вдовствующей царицы. Её поведение в роковой день 7 января 1598 года после смерти Фёдора на фоне сомнительных обстоятельств кончины царя выглядело особенно красноречивым и зловещим, проливая свет на тайну царской кончины.

Казалось бы, кому, как не Годунову, многолетнему правителю государства, родному брату царицы, стать её помощником, хранителем и её, и того ребёнка, своего родного племянника или племянницы, которого она, похоже, носит во чреве?

А между тем Ирина решает, что государством будут править бояре вместе с патриархом до Земского собора, который изберёт нового царя.

Когда дьяк Василий Щелкалов с кремлёвского Красного крыльца объявил толпам собравшегося народа о её решении и призвал принести присягу «совету из князей и бояр», в ответ ему раздался общий крик: «Мы не знаем ни князей, ни бояр, знаем только одну царицу. Да здравствует Ирина Феодоровна!».

В эту минуту Ирина была высшей властью; она могла сказать народу всё, что хотела, могла направить его гнев на любого своего зложелателя. Лишь на родную кровь — на собственного брата она, христианка, не смогла бы призвать народный гнев: в груди её было не Каиново сердце... А с другой стороны, если бы она хотела, она могла замолвить за него слово народу как за наиболее достойного правителя на время безвластия. Но она этого не сделала.

* * *

Итак, выясняется поразительная вещь: в ночь смерти, прощаясь с женой, царь Фёдор успел внести существенное устное изменение в своё письменное завещание, причём в тайне, которую не раскрыл ни патриарху, ни боярам на смертном одре, невзирая на их настоятельные просьбы.

«Он хотел проститься с нежною супругою наедине и говорил с нею без земных свидетелей: сия беседа осталась неизвестною», — пишет Карамзин о последнем прощании мужа с женой. Но, как видим, со слов вдовствующей царицы — одной из участниц разговора — его содержание стало известно всем.

С её слов об этой тайной беседе повествует «Новый летописец»: «Видя отшествие своё к Богу от суетного мира сего в вечный покой, призвал к себе благочестивую царицу и великую княгиню Ирину и, дав ей о Христе целование и простив её, не повелел ей царствовать, но повелел ей принять иноческий образ».

Вспомним: первоначально Фёдор завещал свой престол Ирине с её ведома и согласия, с ведома и согласия патриарха. Значит, он знал, что его жена беременна, и надеялся, что хотя бы после его смерти она родит наследника или наследницу? Тогда вдвойне непонятно, почему он в последнюю минуту приказал ей постричься в монахини!

Может быть, «освятованный царь», «вещий дурачок» знал или провидческим чутьём угадал, кто и почему лишил его жизни, и успел поведать об этом жене и надеялся, что она, уйдя в монастырь, уйдя с дороги Бориса, не станет его новой жертвой? Не потому ли столь государственно важный разговор происходит в строжайшей тайне, без свидетелей, с глазу на глаз? «Будущее жены его тревожило больше, чем будущее трона», — пишет о последних минутах царя Фёдора Ивановича историк Р. Г. Скрынников.

* * *

Исследование останков царя Фёдора Ивановича в 1963 году показало, что хоронили царя в спешке, недостойной венценосца, помазанника Божия. Резчик, вырезавший надпись на его надгробии, так спешил, что не докончил букву в слове «благословенный», так что получилось «глагословенный». Даты смерти и погребения царя в надписи указаны неверно: не 7 и 9, а 6 и 8 января; очевидно, дьяк, составлявший для резчика текст надписи, тоже торопился. «Освятованный царь», отмечает академик М. Н. Тихомиров, «лежит в гробу в мирском одеянии, в кафтане, подпоясанном ремнём. Следы спешки заметны и в том, что сосуд для миро, стоящий в гробнице, слишком прост для царственной особы».

«Фёдор умер в полном небрежении», — пишет по этому поводу Скрынников. С ним «начали обращаться как с брошенной куклой ещё до того, как он испустил дух». А всё из-за того, что правитель Годунов «имел свою причину негодовать на его поведение»: ведь Фёдор на смертном одре не только не назначил его своим преемником, но ещё вдобавок приказал уйти в монастырь своей вдове, при помощи которой Борис надеялся утвердиться во власти, а затем устранить и её.

Были у него причины негодовать и на сестру: что ей стоило из любви к брату утаить ото всех последнюю мужнюю волю — весь кроме Ирины никто о предсмертном приказании Фёдора не знал, так пусть бы это приказание и оставалось тайной навсегда!

После того, как погребальный обряд в Архангельском соборе Кремля закончился и все присутствовавшие на службе направились к вратам храма, некоторые из выходивших успели заметить у соборной паперти простой крытый возок. Ко всеобщему изумлению, в возок этот села вдовствующая царица, и он помчал её неведомо куда! От неожиданности никто не успел вмешаться, удержать её, остановить. Народ «с воем и плачем» ринулся вслед за её санями.

Путь её, как выяснилось, лежал за стены столицы, к Новодевичьему монастырю, тогда располагавшемуся в пригороде Москвы.

«После погребения государя царя Фёдора Ивановича всея Руси его благочестивая царица и великая княгиня Ирина Фёдоровна с погребения его государева, не заходя в свои царские хоромы, повелела себя отвезти простым обычаем в пречестной (Новодевичий) монастырь… и в том монастыре она, государыня, постригалась, и в инокинях дали имя ей Александра», — свидетельствует очевидец, автор «Нового летописца».

Настораживало то, что Ирина постриглась в монахини не на сороковой день, как положено, а на третий, в самый день похорон, да ещё покинула Кремль при столь странных, подозрительных обстоятельствах! Да ещё при этом так прощалась с народом, будто давая понять, что уход её в монастырь — шаг вынужденный, на который она идёт с тяжёлым сердцем, с дурными предчувствиями, как на смерть.

По мнению современников и историков, без Годунова в этом деле не обошлось. Из того, что делала и говорила Ирина за три истёкшие дня, Борис Фёдорович понял: сестра ему не помощница, а помеха. И позаботился о том, чтобы в те сорок дней, когда решалась его судьба, Ирины не было в Кремле.

* * *

Полтора месяца, с 7 января по 21 февраля 1598 года, вошли в русскую историю как царствование Ирины Фёдоровны Годуновой, хотя сама она с 9 января безвыходно пребывала в своей иноческой келье.

«Государством правила Дума, советуясь с патриархом в делах важных, — поясняет Карамзин, — но указы писала именем царицы Александры и на её же имя получала донесения воевод земских».

Тем временем в урочный срок собрался Земский собор и приступил к обсуждению кандидатуры будущего царя. Сторонники Годунова предложили на утверждение Собора его кандидатуру; она набрала нужное число голосов, и Земский собор обратился к вдовствующей царице за одобрением своего решения.

Обращение это было чистой проформой: в том, что она не откажет, не сомневался никто. Но она отказала! «Ирина не захотела благословить брата на царство», — пишет Карамзин. Патриарх лично известил об этом Земский собор.

Об этом, кстати, пишет и Пушкин в своей трагедии.

Патриарх и митрополиты с чудотворными иконами коленопреклонённо молят Ирину, брат Борис днюет и ночует у неё в келье, понапрасну истощая своё хвалёное красноречие. Царица непреклонна! День за днём она упорно повторяет свой отказ!

«Отошла я от суетного жития сего; как вам угодно, так и творите», — устало, но твёрдо повторяла царица-инокиня в ответ на все уговоры.

И это тоже не проходит незамеченным современниками. Значит, Борис Годунов — не тот царь, о котором Ирина говорила народу с кремлёвского Красного крыльца. Значит, совесть Годунова чем-то непоправимо замарана? Кому это лучше знать, как не родной его сестре, долгие годы с трогательной преданностью отстаивавшей его интересы. Какая же чёрная кошка пробежала между братом и сестрой, чем Борис столь бесповоротно уронил себя в её мнении?

«Борис, — передаёт И. Масса толки, ходившие тогда в народе,— пробыл несколько дней у своей сестры в монастыре, где она часто и строго укоряла его за все происки, спрашивая, какой ответ он даст Богу; она со слезами на глазах упрашивала его оставить царство и принести покаяние в грехах, дабы Бог простил его».

Какая-то доля истины в этих толках и пересудах, очевидно, была. Но любопытно другое: а кому, если не брату, Ирина надеялась вручить царство, кого считала более достойным и законным наследником Фёдора, чем Годунов? Юного Михаила Романова, племянника покойного царя, его ближайшего родственника по материнской линии? Рюриковича Василия Шуйского, потомка тверских князей, следующего по старшинству наследника русского великокняжеского престола? Или своего собственного сына от Фёдора, которого носила под сердцем? И чем добился Борис Фёдорович её благословения, которое Ирина, скрепя сердце, дала брату 21 февраля 1598 года в присутствии патриарха, духовенства, бояр и народа?

* * *

«После венчания на царство Борис часто бывал у неё», — вспоминал И. Масса. По свидетельству «Нового летописца», царь Борис Годунов первое время к царице Александре ездил в Новый Девичий монастырь каждый день.

Эта умилительная картина братской любви нуждается в одном существенном уточнении и дополнении. Кроме Бориса, вдовствующую царицу в Новодевичьем монастыре не навещал вообще никто, и условия её содержания там подозрительно смахивали на одиночное тюремное заключение.

Вдовствующая царица Ирина Фёдоровна скончалась 28 октября 1603 года. «Она умерла, как говорят, единственно от душевной скорби, ибо видела несчастное положение страны и великую тайную тиранию своего брата, погубившего все знатные роды», — пишет И. Масса. Другая версия содержится в воспоминаниях немецкого современника Геркмана, передававшего слух о том, что Борис собственноручно убил сестру, обозлённый её укорами.

«Он начал оправдываться перед бывшею царицею своею сестрою. На это царица отвечала так: ?Государь, брат мой! Мне кажется весьма неразумным то, что вы и ко мне обращаетесь с притворными речами, как будто я не знаю всех обстоятельств, хотя я этого не показываю. Кто знает, сколько людей вы ненавидели за то, что они, по вашему мнению, слишком долго жили? Они, вероятно, препятствовали вашим предприятиям и ожиданиям…

Этой речью своей сестры Борис Фёдорович был взбешён до такой степени, что, в порыве гнева, ударил её в грудь тростью, которую держал в руке. Царица заболела и слегла в постель».

Борис «ушёл от неё и стал размышлять о том, каким образом её погубить, так как она пела не ту песню, которую он хотел слышать. Восемь или девять дней после того, как царица слегла, вспыхнул пожар в том монастыре, где она лежала больною. Так как иконы были заранее вынуты из киотов, то многие утверждали, что этот пожар произошёл не без ведома Бориса Фёдоровича, желавшего, чтобы царица, его сестра, умерла от испуга. Так и случилось, ибо она от испуга скончалась на следующий же день».

Такой запечатлело историю гибели «освятованного» царя Фёдора Ивановича и его вдовы, царицы Ирины, народное предание, такой она запомнилась современникам. Такой ли на самом деле была закулисная сторона тех давних событий?

Стены дворцов и монастырей умеют хранить свои вековые тайны не хуже, чем старые надгробья.

«Безмолвны гробы венценосцев». — сказал историк. Что можно к этому прибавить?

* * *

Сейчас, по миновании четырёх столетий, зная последующие события, неведомые современникам Ирины Годуновой, мы можем только дивиться мистическим совпадениям в русской истории. Приняв во иночестве новое имя, Александра Фёдоровна Годунова стала женой последнего русского царя Рюриковича. А женой последнего русского царя Николая Романова стала Алиса Гессен-Дармштадтская, принявшая в православии имя Александры Фёдоровны…

Как тут не вспомнить пушкинское слово: «Бывают странные сближения…».

http://www.z7p.ru/13.htm